

кію, бывшую въ замужествѣ за Константиномъ Ростиславичемъ, кн. смоленскимъ.

Ярославъ Ярославичъ.

1263 † 1272.

Ярославъ Ярославичъ, великій кн. тверскій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ брата своего, Александра Невскаго, и великимъ княземъ владимірскимъ съ **1263** по **1272** г. Біографическія свѣдѣнія о немъ будутъ изложены въ отдѣлѣ о Тверскихъ великихъ князьяхъ.

Василій Ярославичъ.

р. 1241 † 1276.

Лѣтописи, отмѣтивъ подъ **1241** г. рожденіе у в. кн. Ярослава Всеволодовича сына Василія, въ продолженіе потомъ лѣтъ 30 почти ничего не говорятъ о послѣднемъ¹¹⁰⁾, говоримъ—почти, потому что подъ **1246** годомъ онъ упоминается по случаю смерти отца его¹¹¹⁾. Въ томъ же году, какъ извѣстно, братъ Ярослава, Святославъ Всеволодовичъ, занявшій, по старшинству, великокняжескій столъ, «посажа» племянниковъ своихъ «по городомъ, яко же уряди братъ его, в. кн. Ярославъ Всеволодовичъ»¹¹²⁾. Надобно полагать, что въ это же время и Василій получилъ Кострому, которой, за

110) П. С. Р. Л. I, 201, 225; IV, 37; VII, 146; XV, 375 (Василій род. въ 1240 г.); Ник. III, 9; Татищ. IV, 6. — Никон., стр. 3: «Заступи бо его (Ярослава Всеволодовича) Господь Богъ и преч. Богородица отъ татаръ, и съ нимъ осмь сыновъ его: Александръ Нѣвскаго, Андрея суздальскаго, Константина, Авоносія (конечно, Ярослава), Данила, Михаила, Ярослава тверскаго (тотъ же Авоносіи), Василія . . . ». Выходитъ какъ будто такъ, что Василій родился даже ранѣе 1238 года, между тѣмъ какъ та же Никон. лѣт. отмѣчаетъ рожденіе его подъ 1241 годомъ!.. Это противорѣчіе объясняется весьма легко: составитель лѣтописи, увлекшись перечнемъ Ярославичей, поставилъ въ послѣднемъ и Василія, такъ сказать, переднимъ числомъ, — точно такъ же, какъ и Ярослава онъ назвалъ *тверскимъ* потому, что онъ былъ таковымъ впоследствии.

111) Никон. III, 27.

112) П. С. Р. Л. I, 201; VII, 158; Ник. III, 27.

его малолѣтствомъ, могли управлять бояре. Затѣмъ, подъ 1266 годомъ онъ упоминается по случаю женитьбы его¹¹³⁾.

Въ 1269 году, послѣ извѣстной Раковорской битвы, новгородцы еще не примирились съ нѣмцами, и по этому случаю въ Новгородѣ произошла сумятица: одни хотѣли послать за Ярославомъ въ надеждѣ, что онъ примиритъ Новгородъ съ нѣмцами, — другіе не хотѣли этого. Ярославъ, много помогшій новгородцамъ въ помянутой битвѣ, полагалъ, что ему теперь легко будетъ устранить нѣкоторыхъ, не расположенныхъ къ нему, новгородскихъ бояръ отъ ихъ должностей и замѣнить ихъ своими приверженцами. Хотя теперь время было удобное и онъ не замедлилъ пріѣхать въ Новгородъ, но успѣлъ только въ томъ, что на мѣсто тысяцкаго, не вернушагося въ Новгородъ послѣ Раковорской битвы (о немъ не знали даже, убитъ былъ онъ, или — нѣтъ), новгородцы выбрали Ярославова сторонника, Ратибора Клуковича. Послѣ этого, благодаря — скажемъ современнымъ техническимъ языкомъ — военнымъ демонстраціямъ Ярослава, направленнымъ противъ нѣмцевъ, новгородцамъ удалось заключить съ послѣдними миръ. Естественно, Ярославъ теперь думалъ, что онъ можетъ распоряжаться въ Новгородѣ по личному усмотрѣнію: такъ, онъ самовольно забираетъ себѣ дворъ какого-то Алексы Моргкинчича; беретъ у нѣкоторыхъ новгородцевъ деньги; отнимаетъ вотчины у храма св. Софіи; перевершаетъ прежнія грамоты; вмѣшивается въ торговля отношенія новгородцевъ къ нѣмцамъ и т. п. Вслѣдствіе такого самоуправства Ярослава, въ 1270 г. въ Новгородѣ поднялся мятежъ, — причеиъ нѣкоторые изъ сторонниковъ Ярослава бѣжали, нѣкоторые — убиты; Ярославу же рѣшительно и энергично предложено было выѣхать изъ Новгорода. Не имѣя при себѣ войска, Ярославъ долженъ былъ подчиниться необходимости. Новгородцы обратились къ племяннику Ярославу, Дмитрію Александровичу, и звали его къ себѣ; но онъ не хотѣлъ оскорблять дядю. Новгородцы оказались въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Ярославъ готовился къ походу на Новгородъ, противъ котораго поднималъ и татаръ. Помощь, однако, явилась Новгороду, откуда нельзя было, повидному, и ожидать ея: за Новгородъ сталъ «мезинный» (меньшій, младшій) братъ Ярослава, Василій костромскій. Можетъ быть, Василій былъ или оскорбленъ старшимъ братомъ, который, когда самовластно распоряжался въ Новгородѣ, точно также распоряжался и на Костромѣ, гдѣ захватилъ, еще въ прошломъ году, новгородскихъ купцовъ; или костромскій князь боялся усилія тверскаго

113) Ник. III, 44—45. Свадьба была въ Костромѣ; его вѣнчалъ въ церкви св. Теодора ростовскій епископъ Игнатій. Лѣтопись ничего не говоритъ о его женѣ.

князя, который въ то же время былъ и великимъ княземъ владимірскимъ. Какъ бы то ни было, Василій отправилъ въ Новгородъ пословъ: «кланяюся святои Софьи и мужемъ новгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идетъ на Новгородъ, со всею силою своею... жаль ми своя отчины», сказалъ онъ чрезъ этихъ пословъ новгородцамъ. Самъ же Василій отправился въ орду вмѣстѣ съ новгородцами, Петрилой Рычагомъ и Михаиломъ Пинециничемъ, можетъ быть, приходившими къ Василю съ тѣмъ же, съ чѣмъ новгородцы ходили и къ Дмитрію, въ Переяславль. Василій представлялъ хану всю невинность новгородцевъ и, напротивъ, обвинялъ Ярослава. Ханъ, уже отпустившій — было татаръ на Новгородъ, воротилъ ихъ, оставивъ при Ярославі только пословъ. Ярославу только при помощи духовной власти удалось побѣдить новгородцевъ безъ кровопролитія, и то такъ, что миръ заключенъ былъ на всей волѣ новгородской¹¹⁴). Эта новгородская воля выразилась въ томъ, что — по наущенію Василя — новгородцы, по договорамъ, вытребовали отъ Ярослава такія обязательства, по которымъ послѣдній лишался суда и черной и печерской даней, и отгнны которыхъ, т. е. обязательствъ, какъ сей-часъ увидимъ, потребовалъ потомъ самъ же Василій... Въ слѣдующемъ 1271 году братья и племянникъ ихъ, Ярославъ и Василій Ярославичи и Дмитрій Александровичъ, ѣздили въ орду. Лѣтописи не указываютъ на поводы къ этой поѣздкѣ; можетъ быть, она стояла въ связи съ предшествовавшими событіями. На обратномъ пути изъ орды, уже въ 1272 г., Ярославъ умеръ, и владимірскій великокняжескій столъ занялъ братъ его, Василій Ярославичъ костромскій¹¹⁵).

Со смертію Ярослава новгородскій столъ остался, такъ сказать, вакантнымъ. Конечно, великій князь имѣлъ болѣе шансовъ на занятіе новгородскаго стола, что было и въ интересахъ Новгорода — имѣть у себя сильнѣйшаго князя, только онъ не стѣснялъ бы его вольностей. Но Дмитрій Александровичъ переяславскій, не хотѣвшій прежде, какъ мы видѣли, взять новгородскаго стола подъ дядею (Ярославомъ тверскимъ), теперь оказывается претендентомъ на этотъ столъ. Онъ, какъ сынъ Невскаго, столько добра сдѣлавшаго Новгороду, могъ, конечно, разсчитывать на со-

114) П. С. Р. Л. III, 61—62, 220; IV, 42; V, 196; VII, 167—170; Ник. III, 51. К. П. Бестужевъ-Рюминъ (Русск. Ист. I, 325) говоритъ, что Ярославъ былъ недоволенъ войною съ нѣмцами и хотѣлъ низложенія ся зачищниковъ... Но онъ самъ помогалъ новгородцамъ: посылалъ дѣтей своихъ, Святослава и Михаила, и другихъ князей на помощь Новгороду (Новг. I, 59—60; Ник. III, 46—47). Если, такимъ образомъ, онъ и требовалъ низложенія нѣкоторыхъ лицъ, какъ зачищниковъ ссоры съ нѣмцами, то только потому, что ему нуженъ былъ предлогъ къ удаленію отъ дѣлъ лицъ, ему негодныхъ.

115) Ibid. I, 227; II, 344; IV, 42; V, 198; VII, 171 (въ Оглавл. къ Воскр. лѣт. стр. 236—подъ 1270 г.); XV, 404; Никон. III, 54—55.

чувствіе новгородцевъ. Но и Василій еще такъ недавно оказалъ важную услугу новгородцамъ въ борьбѣ ихъ съ Ярославомъ! Оба претендента послали (въ 1272 г.) въ Новгородъ своихъ пословъ, которые остановились на Ярославовомъ дворѣ. Новгородцы, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, предпочли Димитрія потому, что Василій, вступивъ на великокняжескій столъ, послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и приказалъ уничтожить грамоты брата своего, Ярослава, по которымъ у князя отнимался судъ, а также черная и печерская дани. Новгородцы отвѣчали Василію, что онъ самъ же «удумаль» имъ это, а теперь поступаетъ совершенно наоборотъ. И такъ, новгородцы призвали къ себѣ Димитрія Александровича, который въ томъ же году прибылъ въ Новгородъ и 9-го октября сѣлъ на столъ. Въ слѣдующемъ 1273 году Василій, пославъ воеводу своего Семена пустошить новгородскую волость, самъ пошелъ къ Переяславу, а отсюда — къ Торжку; пожегъ здѣсь хоромы и, посадивъ въ Торжкѣ своихъ тиуновъ, ушелъ въ Кострому. Семень, попустошивъ новгородскія волости, также возвратился во Владиміръ съ большимъ полономъ. Въ то же время и племянникъ Василія, Святославъ тверскій, съ татарами пустошилъ Волокъ, Бѣжецкъ и Вологду. Между тѣмъ въ Новгородѣ вздорожалъ хлѣбъ, кажется, главнымъ образомъ потому, что въ Низовской землѣ у новгородскихъ гостей, бывшихъ во Владимірѣ, Твери и Костромѣ, были отняты товары. Димитрій Александровичъ, зимой того же года, пошелъ съ новгородцами ратью на Тверь, а къ Василію Ярославичу отправилъ пословъ съ предложеніемъ — возвратити Новгороду взятыя имъ новгородскія волости и заключити съ новгородцами миръ. Великій князь отпустилъ пословъ съ честью, но мира не далъ. Всѣ эти бѣдствія, въ виду столькихъ враговъ, наконецъ, внушили новгородцамъ спасительную мысль — обратити къ Василію. Въ Торожкѣ, куда прибылъ Димитрій съ новгородцами, съ намѣреніемъ воевать Тверскую землю, поднялась замятня: новгородцы, видя на сторонѣ Василія перевѣсъ, желали задаться за него. Димитрій добровольно отказался отъ новгородскаго стола, почему и былъ отпущенъ въ Переяславль, какъ говорятъ лѣтописи, съ любовію; у приверженца его, Павши, отнято было посадничество и отдано Михаилу Мишиничу. Павша бѣжалъ къ Димитрію. Къ Василію послали пословъ; а въ Торжкѣ присягали «единымъ быти съ посадникомъ Михаиломъ». Впрочемъ, въ томъ же году, когда Василій уже посаженъ былъ на новгородскомъ столѣ, Павша перешелъ на его сторону: посадничество опять дали ему¹¹⁶).

116) Ibid. III, 62—63; IV, 42; V, 198—199; VII, 172; Ник. III, 55—57; Татищ. IV, 45.

Въ **1274 г.** Павша умеръ. Василий Ярославичъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и при немъ въ посадники опять выбранъ былъ Михаилъ Мишиничъ ¹¹⁷).

Въ концѣ **1275 г.** Василий зачѣмъ-то ѣздилъ въ орду, откуда возвратился уже въ слѣдующемъ **1276** году во Владиміръ. Въ томъ же году онъ умеръ въ Костромѣ, въ которой почти постоянно жилъ, будучи и великимъ княземъ, и погребенъ въ церкви св. Феодора, въ присутствіи многихъ князей. Тутъ были: Борисъ Васильковичъ ростовскій, Глѣбъ Васильковичъ бѣлозерскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій, внукъ Всеволода Юрьевича, Димитрій Александровичъ переяславскій и Феодоръ Ростиславичъ ярославскій ¹¹⁸).

Василий Ярославичъ былъ женатъ, но о женѣ его до насъ не дошло никакихъ извѣстій; не знаемъ даже имени ея. Равнымъ образомъ, ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у него были дѣти ¹¹⁹).

Димитрій Александровичъ переяславскій.

1250 † 1294.

Въ **1259** году Александръ Невскій былъ въ Новгородѣ съ татарскими численниками, пріѣхавшими для переписи новгородской земли. По окончаніи переписи, которой предшествовали обычныя новгородскія смуты, татары выѣхали изъ Новгорода; вскорѣ послѣ нихъ выѣхалъ и Александръ, оставивъ тамъ сына своего Димитрія, который былъ, вѣроятно, еще очень молодъ ¹²⁰). Какъ Димитрій жилъ и управлялъ Новгородомъ до **1262** года,

117) Ibid. III, 63; Ник. III, 59 (подъ 1275 годомъ).

118) Ibid. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 172—173; XV, 405; Ник. III, 59—61. Никон. лѣт. восхваляетъ добродѣтели этого князя: любовь и милость къ церквамъ и духовенству и пр. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Тат. IV, 47) при немъ, въ 1275 г., было на Руси «второе число» изъ орды отъ хана. Замѣчательнъ также бывший при немъ соборъ въ 1274 г., когда во Владиміръ пріѣхалъ изъ Кіева митр. Кириллъ съ архим. Кіево-печерской лавры, Серапіономъ, для посвященія послѣдняго во епископа Владиміру и Суздалью. Этотъ соборъ можетъ считаться, по отношенію къ принятымъ мѣрамъ исправленія неурядковъ въ церкви и клирѣ, предвѣстникомъ Стоглаваго собора.

119) См. выше, примѣчаніе 113.

120) П. С. Р. Л. III, 57; V, 189—190; VII, 162; Ник. III, 40. По лѣтописямъ неизвѣстно, когда родился Димитрій; а Мальгинъ («Зерцало», 292) говоритъ, что въ 1250 г. во Владиміръ. Хотя лѣтопись и замѣчаетъ подъ 1263 г., по случаю изгнанія Димитрія изъ Новгорода, «зана князь еще малъ баше»,—но надобно замѣтить, что въ Раковорской битвѣ